

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ДОНСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья

УДК 82-31

ББК 83

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-22-31>

РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД В РОМАНЕ «ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ» В. Д. ФОМЕНКО

Алла Романовна Лисица

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Предлагается анализ поэтики романа «Память земли» В. Д. Фоменко с позиции специфики функционирования растительного кода культуры. Его репрезентативным маркером выступают образы винограда и его производных. В художественном мире романа виноградная символика реализуется сразу в трех контекстах — христианском, традиционном и советском. Являясь символом хозяйственного благополучия хут. Кореновского, богатства земли, образ винограда становится библейской аллюзией рая на земле. Вынужденное переселение кореновцев вследствие строительства Цимлянского гидроузла на новые, неосвоенные земли осмысливается как жертва ради благополучия жителей степных поселений. Образ винограда, ассоциирующийся в народном мышлении с продолжением рода, плодородностью, в романе выступает в связке с мотивами брака, плодородия, выдвигая на первый план мысль о рождении Цимлянского моря. Виноград в романе предстает и в качестве символа казачьей культуры. Подчеркивается, что традиционный для казаков способ посадки винограда — донская чаша — сменяется в конце повествования коллективной посадкой чубуков цимлянского винограда шпалерным способом. Таким образом, индивидуальная донская чаша трансформируется в общую чашу Цимлянского моря.

Ключевые слова: В. Д. Фоменко, «Память земли», растительный код, советские казаки, образ винограда, донской локальный текст

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2026 г., № гос. рег. 125011200150-2.

Для цитирования: Лисица А. Р. Растительный код в романе «Память земли» В. Д. Фоменко // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 22–31. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-22-31>

Original article

THE PLANT CODE IN V. D. FOMENKO'S NOVEL “MEMORY OF THE EARTH”

Alla R. Lisitsa

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article provides the analysis of the poetics of the novel “Memory of the Earth” by V. D. Fomenko in terms of the plant code culture. Its representative marker is the image of the grape and its derivatives. In the artistic world of the novel grape symbolism is realized in three contexts - Christian, traditional and Soviet. Being a symbol of the economic well-being of the country Korenovsky, the wealth of the land, the image of grapes becomes the biblical allusion of paradise on earth. The forced displacement of indigenous people as a result of the construction of the Tsimlayansk Sea plant on new, still poor, uncultivated lands is understood as a sacrifice for the well-being of the inhabitants of steppe settlements. The image of grapes, associated in popular thinking with the continuation of progeny and fruitfulness, in the novel acts as a link to the motives of marriage and fertility, bringing to the fore the idea of the birth of the Tsimlayansk Sea. Grapes are also depicted in the novel as a symbol of Cossack culture. It is emphasized that the traditional way for Cossacks to plant grapes - the Don Cup - is replaced at the end of the narrative by collective planting of Tsimlayansk grapes in a steel-work manner. Thus, the individual Don cup is transformed into a common cup of the Tsimlayansk Sea. This can probably be considered an allegory of the metamorphosis of Cossack culture on Soviet soil - a phenomenon of Soviet Cossack with lost cultural elements and their reinterpretation in new realities.

Key words: V. D. Fomenko, “Memory of the Earth”, plant code, Soviet Cossacks, image of grapes, local text of Don

Acknowledgements: this publication was prepared within the framework of the 2026 state assignment of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, state registration No. 125011200150-2.

For citation: Lisitsa, A. R. (2026). The plant code in V. D. Fomenko’s novel “Memory of the Earth”. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 22-31. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-22-31>

Введение

Творческое наследие донского писателя Владимира Дмитриевича Фоменко (1911–1990) постепенно возвращается из литературного забвения. В постсоветской России его произведения в последний раз издавались в 1992 г. В 2025 г. усилиями АНО «Любо» в ст. Старочеркасской открылось подворье В. Д. Фоменко, на котором всех желающих знакомят с его биографией и творчеством и рассказывают о жизни и быте казаков.

По свидетельствам современников, В. Д. Фоменко называл себя именно литератором, писателем себя не считал [Левина-Фоменко, 2010, с. 118]. В основном его библиография представлена малой прозой — очерками и рассказами. Между тем роман «Память земли» (1951–1971) — первый и единственный представитель этого жанра в творческой биографии В. Д. Фоменко — пользовался всесоюзным успехом. Он публиковался в журнале «Новый мир». О первой части этого произведения А. Д. Твардовский говорил «как о выдающемся достижении современной литературы» [Кононыхина-Сёмина, 2010, с. 121]. В центральных газетах «Память земли» называли одним «из заметных явлений современной прозы» [Рюриков, 1961, с. 4], «открытием, радостным, волнующим, многообещающим» [Коптяева, 1971, с. 3]. В 1976 г. «Память земли» экранизировали — пятисерийный фильм создали режиссеры Б. И. Савченко и Б. В. Ивченко.

Поэтика и пафос романа «Память земли» близки деревенской прозе: роман В. Д. Фоменко явно наследует традиции русского классического романа — особенно напрашивается его сопоставление с произведениями М. А. Шолохова, отличается использованием сказовой речи — в её казачьем изводе, рисует портрет человека из народа — точнее, донских хуторян и станичников, советских казаков. Но если деревенская проза ставит перед собой целью «поиск глубинных основ народной жизни, которые должны были замечать дискредитировавшую себя государственную идеологию» [Лейдерман,

Липовецкий, 2003, с. 64], то «Память земли» предлагает обратить внимание на насущные проблемы социалистического общества, исправить его «недостатки», является ярким представителем «соцреализма с человеческим лицом», призванного оценить прошлое и настоящее с точки зрения перегибов времен культа личности. «Если взглянуть на дело поглубже, Орлов и ему подобные бюрократически извращают саму идею социализма, а Конкин, Голиков, Настасья Щепеткова, хуторские комсомольцы борются за подлинный, живой, творческий социализм, который несет счастье человеку. Именно эти люди олицетворяют подлинную природу нашего советского общества, ведущее начало народной жизни», — пишет о романе критик Б. С. Рюриков [Рюриков, 1961, с. 4]. Поэтому «правда жизни» В. Д. Фоменко — «наша, партийная». Писатель, переживший арест по ложному доносу в 1930-е гг., «...до конца жизни ... все же оставался советским человеком» [Левина-Фоменко, 2010, с. 119].

Герои «Памяти земли» переживают душевное расслоение перед лицом большого потрясения — не просто неизбежного переселения на новые, неосвоенные земли, но и физической утраты хут. Кореновского — малой родины, своих корней. Противоречия эпохи рожают главный конфликт романа — выберут ли кореновцы «легкий путь» и присоединятся к уже существующим хуторам и станицам или возьмут инициативу в собственные руки и перенесут свой колхоз на новое, нетронутое человеком место. Перед читателем встает вопрос, за кем же правда — Сергеем Голиковым, Степаном Конкиным, Валентином Голубовым, Любой Фрянсковой, до последнего надеющимися на «самосознание» переселенцев, или Борисом Орловым, Дарьей Черненковой, топорно и формульно выполняющими установку сверху, поскольку «без кнута бык так пахать будет, что не только заморит хозяев, а и сам с голоду сохнет...» [Фоменко, 1978, с. 485].

Затопление хуторов и станиц, расположенных на месте будущего Цимлянского моря, осмыслиется как необходимая жертва, которая позволит в будущем остановить губительный для урожая ветер «астраханец», улучшить условия жизни степных колхозов. «Только чего языками трепать, что это радость для нас? Прямо и говори, что жертва!» — заключает один из героев романа Андриан Щепетков [Фоменко, 1978, с. 59]. Жителям хутора кажется несправедливым предстоящее испытание: Кореновский имеет богатое прошлое с революционными и фронтовыми заслугами перед государством. Колхоз, организованный в этом хуторе, назван в честь Матвея Щепеткова, героя Гражданской войны. Старожилы Кореновского — Лавр Кузьмич Фрянсков и бабка Поля Щепеткова — воевали на стороне красных.

Предстоящее затопление хуторских земель сравнивается героями романа с уже пережитыми социальными потрясениями — Великой Отечественной войной и коллективизацией. Так, инженер Сергей Голиков, ростовчанин, отправившийся работать секретарем в район вместо академической карьеры, «сравнивал сегодняшнюю свою работу с фронтом» [Фоменко, 1978, с. 188]: «Все решено без тебя, точно так же, как решалось в войну» [Фоменко, 1978, с. 181]. Настасье Щепетковой, коренной жительнице хут. Кореновского и председательнице колхоза, грядущее событие представляется событием более страшным и серьезным, чем война и коллективизация; она тревожится из-за неизбежной утраты малой родины: «...в эпоху Волго-Дона хутор переживает большую ломку, чем за все время с основания. Ведь войны-то, что вечно гремели на свете, были для дедов Настасьи делом обыкновенным, их ремеслом. Ре-

волюция, коллективизация — они, конечно, сменили жизнь людей, но займище, но кровно-родительские берега оставались теми же» [Фоменко, 1978, с. 314].

На протяжении всего повествования «Памяти земли» значимым и частотным образом остается виноград. Автор как будто с первых страниц романа сам подсказывает это читателю: «О виноградах говорится не зря» [Фоменко, 1978, с. 20]. Виноград и его производные упоминаются в романе более 150 раз. Для сравнения: другие растительные образы «Памяти земли», в частности яблони и яблоки, используются 46 раз, жерделы — всего 18.

«Определяя в целом национальную картину мира и мировоззрение конкретного сообщества, коды культуры формируются с помощью системы ставших носителями культурных смыслов знаков материального и духовного мира» [Кузнецова, 2021, с. 235]. Именно виноград — знак материального мира — становится носителем определенных смыслов в романе Фоменко, представляет собой растительный код. «Такой код является одним из универсальных способов познания мира и его фрагментов, обусловленный важной ролью дикорастущих и культурных растений, способствующей мифологизации всего, что с ними связано, начиная с природных, биологических свойств и кончая категориями экзистенциального характера» [Васильева, Ли, 2020, с. 8].

Виноградные образы «Памяти земли» включаются в разные контексты читательской рецепции: и отсылают к библейской мифологии, и иллюстрируют народную традицию, и оказываются частью донского локального текста. Более того, виноградная символика служит ключом к пониманию авторского видения причин и последствий строительства Цимлянской ГЭС и осмысления его роли в судьбе переселенцев.

Исследование и его результаты

С первых страниц романа становится ясно, что квинтэссенция благополучия и богатства хут. Кореновского — виноград. «У меня всего вдосталь <...> Вино? Хоть утопись. В любой дом в Кореновском зайди — так же!» — отмечает Лавр Кузьмич Фрянсков [Фоменко, 1978, с. 240]. Описывая уборку винограда в Кореновском, акцентируя то, как преобразует и оживляет виноградная страда привычную жизнь хуторов и станиц, повествователь подытоживает: «Что ж, и хлебом тоже объедаются, даже счастьем, бывает, объедаются; а виноград — его и создал господь для того, чтоб пить вино из его ягод, а прежде подавить те ягоды» [Фоменко, 1978, с. 424].

Особое внимание фоменковские герои уделяют винограду и виноградарству: у каждого хуторянина «под полом — собственной давки вино <...> не одного, а двух-трех сортов, чтобы с толком обмыть и семейное торжество, и всякий праздник...» [Фоменко, 1978, с. 21]. Именно в Кореновский приезжают за саженцами винограда, «позычить виноградных чубуков, <...> расширять на новой земле винные игристые сорта, а добрых, таких, как у щепетковцев, не найдешь» [Фоменко, 1978, с. 389]. Коренные жители хутора — знатоки виноделия, объясняющие, чем винный букет «особенным — для недонских людей, для тупаков, — неуловимым отличен от другого букета» [Фоменко, 1978, с. 476]. Виноградники Кореновского в буквальном смысле становятся для его жителей ценой жизни в переломные времена: «...каждый по-своему за свой Дон в лугах и виноградных кручах, за свои кудрявые, как в раю, сады» [Фоменко, 1978, с. 52]. «А сорок тысяч кустов винограду — это что? Что я — харкнул на них и забыл? Да им по двести лет, это петровское еще, им на всем Дону цены нема, не сложишь! Кинули — и тоже радоваться?.. Кулачье недаром за

них батьку закололо, знало, что у них отнимали!» — протестует против грядущего переселения виноградарь Андриан Щепетков [Фоменко, 1978, с. 59].

Лавр Кузьмич напрямую спрашивает секретаря райкома, встречал ли он земли лучше кореновской? Голиков думает о том, что «во всей Ростовской области он нигде не видел более богатой земли» [Фоменко, 1978, с. 237]. «В Ветхом Завете она (виноградная лоза. — *А. Л.*) соотносится с образом Земли обетованной, поскольку обильный урожай считался основным признаком богатства (Второзаконие 8:7–9). Изобилие, процветание и, шире, жизнь — одно из основных библейских значений образа винограда» [Мадлевская, 2022, с. 36]. Хутор Кореновский в романе В. Д. Фоменко действительно выступает в качестве райского топоса. Ассоциация с раем на земле у читателя создается в результате используемых на протяжении всего романа образов винограда и сада. Пейзажные зарисовки «ласкового кореновского займища» [Фоменко, 1978, с. 213] встречаются во всех трех частях романа: «Сады были всюду» [Фоменко, 1978, с. 69]. «Ох, у вас тут и садочки, затишки! Въехал до вас в хутор — прямо рай, курорты», — говорит Любе Фрянсковой первый раз оказавшийся в Кореновском «степняк» [Фоменко, 1978, с. 294]. «Вековой завистью завидуют кореновцам соседи-хохлы — жители степных засушливых хуторов», страдающих от неурожая [Фоменко, 1978, с. 21].

Благополучие хутора, ассоциативная привязка к раю на земле усиливают мотив жертвенности переселенцев. Жителям Кореновского приходится лишаться реально существующей обетованной земли — плодородных и изобильных хуторских земель, где «будто в искупление нищенской сухости степей, обступивших займище с востока от Сталинграда, а с северо-запада — от Средне-Русской возвышенности, все здесь до заморозков зелено, до отказа напоено водой оставшихся после разлива озер, ериков, проток, лопатин, не пересыхающих ни в какую жару» [Фоменко, 1978, с. 19].

В народной культуре виноград — символ жизни и продолжения рода. «На славянские представления о В. (винограде. — *А. Л.*) повлияла библейская символика виноградной лозы» [Агапкина, Усачева, 1995, с. 374]. Эта символика растительного кода крайне важна для повествования: именно в сочетании с мотивами брака и рождения реализуется главная идея «Памяти земли». В романе, несмотря на типические соцреалистические патетические сцены труда и пафос победы человека над природой, Цимлянское море не создают, оно именно рождается: «Сейчас это Цимлянское вышло из стадии вынашивания. Оно рождалось» [Фоменко, 1978, с. 352]. Переселение хуторов в новые места и строительство ГЭС напоминают сотворение мира: в повестке главного идеолога переселения, председателя сельсовета Степана Конкина пункты начинаются со слов «о создании», «о сотворении», «о рождении».

Кроме того, традиционная символика винограда — продолжения жизни, плодородия — усиливается системой образов и мотивов, связанных с браком и рождением. Это отражается и в композиции романа. Примечательно, что «Память земли» начинается с эпизода свадьбы — Люба Чирская выходит замуж за Василия Фрянскова. На свадьбе Фрянсковых исполняют свадебную величальную песню «Виноград расцветай, / А ягодка поспевай» [Фоменко, 1978, с. 17]. Влюбленная в Солода Настасья Щепеткова при коллективной посадке винограда вспоминает прошлое, в котором было принято устраивать смотрины на виноградниках: «Такая уж была мода в прошедшие безмашинные времена, когда парни не сидели на тракторах и в конторах, а ставили по виноградным буграм сохи, ухватисто вжикали на глазах девок отточенными

жалами топоров, и девки, даже мужние бабы в свою очередь выставлялись перед кавалерами, хоть рученьки отпадай, хоть трещи хребтина, — плыли от лунки к лунке лётным пухом, форсисто, как с прабабок велось на виноградах...» [Фоменко, 1978, с. 460].

Кроме того, мотив продолжения жизни в романе усиливается традиционной оппозицией весна — зима: повествование начинается в декабре 195*, а заканчивается весной следующего года. Сюжетные переломы связаны со сменой сезона: обострение конфликтов, завязка приходятся на зимнее время, а кульминация, развязка — на весну. В завершающей, третьей части романа действие развивается именно весной, традиционно символизирующей преобразование человека, его духовное пробуждение, возвращение к полноценной жизни после ограничений, кризисов, ошибок — зимы. Хуторская земля «гнала из себя ростки», как и все ее обитатели — «и обгулявшаяся скотина, и куры, которые упорно, свирепо лезли в корзины с гнездами, и опузатевшая, рычащая на индюков Пальма, и даже бадня под балконом, в которой, когда таяла пленка льда, шныряли головастики...» [Фоменко, 1978, с. 430].

Обновление жизни отчетливо ощущается главными героями романа, тонко чувствующими природу. Андриан Щепетков наблюдает за тем, как оживают его чубуки, на которых «почки, недвижные зимой, теперь шевелились, хотели грунта» [Фоменко, 1978, с. 446]. У Соньки и Радиста, лошадей Конкина и Голубова, — прибавление: «Сейчас жеребенок, ослепленный миром, стоял на мягких, словно детский ноготь, копытах, наверно, чувствовал ими крошки земли, что пугало и восхищало его» [Фоменко, 1978, с. 402]. Настасья Щепеткова видит, как просыпается степь: «Ветер, еще не прогретый и только-только при вставшем уже солнце берущий силу, сушил росу, нанизанную на зеленые шильца; копыта ступали мягко по земляной песчановатой обочине, не перебивали звона жаворонков, сусличьих пробужденных свистов» [Фоменко, 1978, с. 451]. Илья Солод размышляет, как в скором времени солнце «коснется побегов, они отпотеют, покроются зернистыми каплями, начнут слышать, как, по-детски дребезжа, блеют ягнята с еще не отпавшими пуповинами, как мычит в хлеву Зойка, бьет о доску рогом...» [Фоменко, 1978, с. 430]. К концу романа именно образ винограда становится главенствующим в изображении торжества новой жизни, рождения. Сергей Голиков, чужой в Кореновском в начале повествования, сомневающийся в своей жизненном выборе, знавший «о винограде лишь столько, сколько требуется человеку, покупающему виноград в магазине», в конце романа «столкнулся с этой ягодой по-иному» [Фоменко, 1978, с. 435]. Герой уже на месте нового поселения «явственно чувствовал, словно бы видел, как в глубине, в залитой почве, под тонкой корой размоченных чубуков шевелились новорожденные, нежные ростки, пробовали силу, освобождались из волокнистых пеленок...» [Фоменко, 1978, с. 465].

Мотив плодородия реализуется в образах не только природы, но и самих героев. Секретарь парторганизации Дарья Тимофеевна Черненко, многодетная мать, признающаяся в том, что «одно подрастет, я сразу другого» [Фоменко, 1978, с. 234], в третьей части романа узнает, что снова ждет ребенка. Вовлеченная в освоение новых земель, беременная Лидия Абалченко «ежедневно носилась по полям и буеракам на обследовании территорий» и рассказывала, что теперь Волга получит выходы к океанам. «— Ты без тех выходов, что ль, не разродишься? — кричали ей» [Фоменко, 1978, с. 404]. Вместе с её ребенком развивается, растет и готовится к рождению и Цимлянское море: «Официально рождение еще не начиналось. Оно начнется, когда в котловане

завершат работы, правительству радируется рапорт и голос Левитана сообщит в эфир, что пошло наполнение. А Дон Левитана не дожидался!..» [Фоменко, 1978, с. 352]. Эпилог романа озаглавлен рождением не только Цимлянского моря, но и ребенка Лидии, которого переселенцы встречают словами: «Наш, кореновский...» [Фоменко, 1978, с. 511].

Образы винограда и его производных в романе В. Д. Фоменко выступают в качестве символов казачьей культуры, несут в себе региональные смыслы. Вино уподобляется крови донских жителей: «В Настасье ходило вино, выращенное здесь, в Кореновском, давленное здесь, бродившее здесь. Оно — кровь ее кореновской земли...» [Фоменко, 1978, с. 388]. Приезжающие в хутор представляются: «Казак! — И, поправляя пенсне, явно щеголяя, добавит: — Потемкинский юрт, хутор Чаусов. На виноградах вырос...» [Фоменко, 1978, с. 20]. Жизнь человека сравнивается с жизненным циклом винограда, подчеркивая теснейшую связь человека с его родиной: «Любой кусок винограда зацветал весной в своей лунке...» [Фоменко, 1978, с. 314].

М. А. Рыблова отмечает, что к концу 1950-х гг. выделение казаков в качестве особой этнической группы уже не предусматривалось, в публичном пространстве они все чаще определялись в качестве советских колхозников [Рыблова, 2022]. Однако одной из главных тем романа В. Д. Фоменко является именно самобытность Донского края, его казачье прошлое и настоящее в советских реалиях. О том, что «слово „казак“ выветрилось из официального обихода, так как нигде никаких преимуществ не имеет, ни в одном служебном документе не отражается», повествователь сообщает читателю «Памяти земли» на первых страницах романа, сразу же добавляя, что, несмотря на смешение коренного народа с приезжим, в донском хуторе Кореновском «все же крепко живет <...> особенный, станичный дух» [Фоменко, 1978, с. 20]. Кореновский предстает в романе наследником казачьей культуры. Для изучения жизни и быта донских казаков в хутор приезжает фольклорист Роз: «Ученые считают нас, казаков, за редких икзимпляров, вроде за жирафов, которые еще не целиком повыздыхали. Не тем интересуются, куда нам устремляться, а как, мол, я скажу — „хочь“ или „хучь“, — говорит Лавр Кузьмич [Фоменко, 1978, с. 241].

В этом контексте особенно значим образ Андриана Щепеткова, коренного жителя хутора, потомственного казака и виноградаря, который «всю жизнь закладывал <...> „донские чаши“, т. е. пользовался традиционно донским методом ведения винограда [Фоменко, 1978, с. 461]. «Ведь чаша эта потому и донская, что нет ее ни в Крыму или на Кубани, ни в Ставрополье, а только на здешних склонах! Завтра накроет море эти склоны — чашам капут!..» — размышляет Андриан [Фоменко, 1978, с. 462]. Герой тяжело переживает предстоящее затопление хутора, поскольку перенести вековые винограды с их маточными корнями невозможно и ему придется сажать их чубуки. Кроме того, изменяется и способ посадки винограда: «...сосала Андриана тоска, что сажаются виноградники не по-хуторскому — по-хамскому» [Фоменко, 1978, с. 461]. «Здесь генеральный план, индустрия, а вы со своего закутка, с виноградника смотрите», — обвиняет своего дядю Тимка, сын Настасьи Щепетковой [Фоменко, 1978, с. 59]. В то же время Щепетков понимает, что с точки зрения агрономии шпалерный способ посадки винограда выгоден, поскольку не требует ручного труда, а предполагает машинный: «сравни-ка это с лопатками баб, скребущихся по откосам, где и сам черт ногу сломит!» [Фоменко, 1978, с. 462]. В конце концов Андриан приходит к осознанию того, что виноград — носи-

тель вековых традиций, а единственным способом его сохранения в сложившихся условиях становится пересадка его чубуков на новую почву.

В этом видится материализация формы существования казачьей культуры в СССР — трансформация её элементов в изменившихся идеологической, политической, экономической сферах. Именно от лица чужих для цимлянской земли — таганрожца Ильи Солода, ростовчанина Сергея Голикова, уроженки Русского Севера Веры Гридякиной и др. — подчеркивается уникальность культуры и быта советских казаков, их метаморфозы в новой действительности. Жители хут. Кореновского поют «Всколыхнулся, взволновался», где «православный» заменяется «нашим советским», «призыв монарха» — «призывом колхозов» [Фоменко, 1978, с. 388]. Женщины устраивают рядины в новые даты: 8 марта и 7 ноября «жженой пробкой малюют себе усы и в мужниных брюках и фуражках, в вывернутых шубах высыпают на улицу, поднимая вверх дном хутор, наводя панику на собак» [Фоменко, 1978, с. 21].

При этом эклектика казачьего и советского кажется странной только иногородним героям романа, но не носителям советской казачьей культуры. «Надраенная нашатырем иконка» [Фоменко, 1978, с. 310], которая соседствует с портретом Маршала Советского Союза Ф. И. Толбухина, все время обращает на себя внимание чужого в Кореновском Солода. «Эта богоматерь еще от родителей, она идиологиею мою не спортит...» — настаивает воевавшая на стороне красных в Гражданскую войну революционная сабельница бабка Поля [Фоменко, 1978, с. 310].

Именно коллективная посадка чубуков — самая важная часть переселения кореновцев. Этот эпизод занимает сильное место в общей композиции романа — развязку, когда Степан Конкин «побеждает» в переселенцах корысть и страсть к наживе и вместо рыбалки для пополнения личных запасов отправляет всех сажать чубуки. Благодаря его энтузиазму и настойчивости на новые земли виноград пересаживают «четыре сотни лопат, девяносто кольев, сто двадцать мотыг» [Фоменко, 1978, с. 457], несмотря на усталость и бессонные ночи, берутся за трудное дело с «веселой легкостью» [Фоменко, 1978, с. 459]. Сразу после посадки общественного виноградника больной туберкулезом Конкин ослабевает и умирает.

Неслучайно, на наш взгляд, котловина будущего Цимлянского моря в романе неоднократно сопоставляется с чашей: «„Морская чаша“ — территория на границе двух областей, Ростовской и Сталинградской...» [Фоменко, 1978, с. 305]; «...,чаша“ заполняется от низу, от плотины, что гидроузлу пока что ничуть не мешают наши станицы» [Фоменко, 1978, с. 356]; «...,морская чаша“ уже во втором квартале зарябится бурунами» [Фоменко, 1978, с. 334]; «развалины хазарского города Саркел <...> оперативно изымались со дна „чаши“» [Фоменко, 1978, с. 305]. Это определение по отношению к Цимлянскому морю вызывает ассоциации с евангельским сюжетом моления о чаше и продолжает тему жертвенности в романе. Кроме того, логика повествования подводит читателя к ключевому выводу, что вместо индивидуальных донских чаш теперь появилась одна, общая — Цимлянское море.

Заключение

Таким образом, образы винограда и его производных (вино, виноградники, винопитие) в произведении «Память земли» В. Д. Фоменко имеют большое значение в конструировании художественного мира романа, являются важным элементом его поэтики и обладают семиотическим потенциалом. В

ходе исследования показано, как виноградные образы включаются в христианский и советский контекст, а также в контекст народной традиции. С помощью виноградной символики хут. Кореновский осмысливается как воплощение рая на земле, которым его жители жертвуют ради благополучия других. Виноградная символика в сочетании с мотивами брака и рождения усиливает образ рождения, а не создания Цимлянского моря. Цимлянский виноград, точнее, его чубуки — как символ казачьей культуры и традиций — оказывается перенесенным на новую советскую почву. Классические ассоциативные привязки этих образов к райскому месту, браку и плодородию переосмысливаются автором «Памяти земли» и включаются в сложный процесс поиска ответов на вопросы и вызовы эпохи.

Список источников

Агапкина Т. А., Усачева В. В. Виноград // Славянские древности: этнолингв. словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. С. 374–377.

Васильева Г. М., Ли Ю. Растительный код культуры в лексике языка (фитонимы) : словарь. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. 66 с.

Кононыхина-Сёмина В. Н. Его вела любовь к «веществу природы» // Донской временник. Год 2011-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д, 2010. Вып. 19. С. 120–122.

Коптяева А. Анкета «Вечерней Москвы» // Вечерняя Москва. 1971. № 150. С. 3.

Кузнецова А. В. Прагматика культурных кодов в художественном тексте // Актуальные проблемы филологии и пед. лингвистики. 2021. № 3. С. 233–242. EDN: KZFKUW. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242>

Левина-Фоменко И. И. Судьба, творчество, память, земля // Донской временник. Год 2011-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов н/Д, 2010. Вып. 19. С. 117–119.

Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие : в 2 т. Т. 2 : 1968–1990. М.: Академия, 2003. 688 с.

Мадлевская Е. Л. Образ винограда в русской орнаментике // Орнаментика предметов народной культуры. СПб.: Славия, 2022. С. 36–57. EDN: ZIIICSG.

Рыблова М. А. Донское казачество в процессах социокультурных конструирования и трансформаций; культура повседневности казачьего Дона в XX в. // Донские казаки в СССР / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. С. 185–212.

Рюриков Б. С. Спор о самом важном // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 1961. № 212. С. 4.

Фоменко В. Д. Память земли. М.: Советский писатель, 1978. 512 с.

References

Agapkina, T. A. and Usacheva, V. V. (1995). Grape. *Slavic antiquities*. Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. N. I. Tolstoy (ed.). Moscow, International Relationships, vol. 1, pp. 374–377. (In Russian).

Fomenko, V. D. (1978). *Memory of the Earth*. Moscow, The Soviet Writer, 512 p. (In Russian).

Kononykhina-Semina, V. N. (2010). He was led by a love of “the substance of nature”. *Don chronicle*. Rostov-on-Don, Don State Public Library, no. 19, pp. 120–122. (In Russian).

Koptyaeva, A. (1971). Review of “Evening Moscow”. *Evening Moscow*, no. 150, p. 3. (In Russian).

Kuznetsova, A. V. (2021). The pragmatism of cultural codes in artistic text. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 3, pp. 233–242. (In Russian). EDN: KZFKUW. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-3-233-242>

Leiderman, N. L. and Lipovetskii, M. N. (2003). *Modern Russian literature: 1950–1990s*. Study allowance: in 2 vols. Vol. 2: 1968–1990. Moscow, Academy, 688 p. (In Russian).

Levina-Fomenko, I. I. (2010). Destiny, creation, memory, Earth. *Don chronicle*. Rostov-on-Don, Don State Public Library, no. 19, pp. 117–119. (In Russian).

Madlevskaya, E. L. (2022). The image of grapes in the Russian ornamentation. *Ornamentation of objects of folk culture*. St. Petersburg, Slavia, pp. 36-57. (In Russian). EDN: ZIIICSG.

Ryblova, M. A. (2022). The Don Cossacks in processes of sociocultural constructions and transformations; culture of everyday life of the Cossack Don in the 20th century. *Don Cossacks in the USSR*. G. G. Matishov (ed.). Rostov-on-Don, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, pp. 185-212. (In Russian).

Ryurikov, B. S. (1961). Dispute over the most important. *News of the Councils of Workers' Deputies of the USSR*, no. 212, p. 4. (In Russian).

Vasilieva, G. M. and Li, Yu. (2020). *Plant code of culture in language vocabulary (phytonyms)*. Dictionary. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 66 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Лисица Алла Романовна — младший научный сотрудник лаборатории филологии, lisica@ssc-ras.ru

Information about the Author

Alla R. Lisitsa — junior researcher at the Laboratory of Philology, lisica@ssc-ras.ru

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.